

A large, orange, spiky creature with large blue eyes and a mouth full of sharp teeth, hanging from a tree in a ruined city. The creature has a textured, almost fibrous appearance. The background shows a city with stone buildings, some with arched windows, and a sky with clouds and birds. The overall style is a detailed digital illustration.

Александр Лекомцев

Нарисованные ПТИЦЫ

18+

Александр Лекомцев
Нарисованные птицы

«Автор»

2025

Лекомцев А. Н.

Нарисованные птицы / А. Н. Лекомцев — «Автор», 2025

В этих философских, во многом и фантастических, стихах немало иронии, сатиры и даже сарказма. Но, воспринимая земной мир не трафаретно, не традиционно, автор поэтических строк, прежде всего, смеётся над собой, над тем, как бы он себя повёл в непредвиденной, необычной ситуации и оценил действия не совсем адекватных граждан России, которые всё ещё опираются на смешные и опасные зарубежные ценности. Поэзия, пожалуй, для того и существует, чтобы философски осмысливать то, что пока не происходит, но может происходить не только в отдельно взятой стране, но и на планете Земля.

© Лекомцев А. Н., 2025

© Автор, 2025

Александр Лекомцев Нарисованные птицы

И сон, и явь

Крылата муха, высоко летает,
Когда она не плавает в борще.
Но пню в лесу полётов не хватает,
А правильной сказать, их нет вообще.

Он смотрит в небо, только чем, не знаю.
Наверное, листвой тревожных снов.
Над ним давно действительность иная,
В ней нынче мухи в качестве орлов.

Как жаль, что мы хронически бескрылы,
(Я про нормальных жителей Земли).
Не только мухи, но и свиные рыла
Почти с рожденья крылья обрели.

Но пень задумчив, с каждым днём мудрее...
Философ всех народов и времён.
Считает жизнь земную лотереей,
И в этом прав он с четырёх сторон.

Брат мой, пенек, я младше, я моложе.
Стакан со спиртом, сигарета «Бонд»...
Наш страшный сон, на чёрти что похожий,
На беспощадный пенсионный фонд.

Ответь же мне! К чему нам снятся мухи?
Пустые сны, что грязная вода.
Ты знаешь, но молчишь, и ходят слухи.
Что это бесовщина навсегда.

* * *

Мы чертям не родичи,
Ценности их – бред.
Выкормыши полночи,
Нам отец – рассвет.

Чёрные да пестрые,
Рога, копыта, хвост...
Тот, кто дружит с монстрами,
Дурашлив, но не прост.

Чёрт он, из предателей,
Наших будней взлом.
Дюже обаятелен,
Порождённый злом.

По ночам он вилами
Водит по воде.
Рожа его милая
В каждой борозде.

Пишет сказки грязные
Про российский мир
В будни и по праздникам
Дьявольский сатир.

Истины особые...
Их толпа лиха.
Делят узколобые
Наши потроха.

Ждать от монстров милости?
Кровавая игра.
Сор из дома вымести
Подошла пора.

Нарисованные птицы

Он рисовал лишь птиц загадочных,
Порой уродливых, смешных.
Художник и частично сказочник.
По сути, жил в мирах иных.

Поговорив с ночными совами,
В своих стремлениях суров.
Он в мир скатился нарисованный,
Среди оврагов и бугров.

Советам сов с рожденья следуя
Во снах и даже наяву,
По жизни шёл всегда он с бедами
И был похожим на сову.

Привык ходить путями длинными,
Так выпадало по судьбе.
Сдружился с криками совиными
И сделался чужим себе.

Ему бы к славе плыть под парусом,
К примеру, в ярком жанре «ню»...
Себя он ненавидел яростно,
Как, впрочем, всю свою мазню.

Никак не мог от птиц избавиться
И от напутствий мудрых сов.
Его манила разнотравица
И буйство птичьих голосов.

Ошибка это или мания,
Или судьба, в конце концов?
Сгорел в огне непонимания,
Впрочем, как тысячи творцов.

Не жалуется их время вредное...
Вместо творцов на высоте
Реальность жалкая и бледная
На сером и слепом холсте.

Там личность глупая... безлика,
Фрагмент повторов сотни лет
И копия извечно дикого,
Того, что не было и нет.

Мир иллюзорен, злом загаженный
И зыбок он, что совий плен.
Пусть с матами пятиэтажными,
Но встанет свет земной с колен.

Назначенец

Харитон из стада,
Где чины куют.
Любит, кого надо,
Потому и крут.

Задницей послушной
Высидел свой пост.
Прежний бариндушный,
К счастью, был прохвост.

Харитон везучий,
Он не бомж, не бич,
И, на всякий случай,
Коренной москвич.

Нынче он серьёзный,

Как клеймо, как штамп,
Театрально грозный,
Будто Дональд Трамп.

Каменная лошадь
В жёлтом парике.
Шествует на площадь
С папкою в руке.

Скажет он сурово
Перед всей толпой
Огненное слово.
Не совсем тупой.

Мы давно привычны
К жуткой суете
И к словесной дичи,
К завтрашней мечте.

Свет в конце тоннеля,
Вроде, не погас.
Это, в самом деле,
Окрыляет нас.

Яркие моменты...
Речь он произнёс.
Под аплодисменты
Ахинею нёс.

Бизнесу свободу!
Мы пока что «за».
Господам народу
Нечего сказать.

Цены в рост попёрли.
Радость для барыг.
Стал петлёй на горле
Даже светлый миг.

Грозно сдвинул брови
Призрак странных дней,
Чтобы стать суровой,
Заодно – смешней.

* * *

По небу шёл поэт Ослов
По кличке Недоум.

Он помнил три десятка слов,
Великим брат и кум.

В тоске, что раненый Тантал,
Большой страны позор,
Высоким небом он считал
Поваленный забор.

Себя святым он объявил,
Все развязал узлы,
И с ним под солнцем золотым
Бараны и козлы.

Создания кромешной тьмы
И круговых порук
Среди столетней кутерьмы
Над нами и вокруг.

Мы – под копытами трава,
Кормёжка для скота.
Над ними неба синева,
Над нами – темнота.

Ослиный рёв по всем фронтам,
Проник он и в тылы.
Куда ни сунься, здесь и там
Ослы, ослы, ослы...

Они – извечная беда,
Наглей... из года в год.
И тонут гордо, как всегда,
В канавах нечистот.

Если небесный чародей
Средь серой суеты
Ослов не сменит на людей,
То, значит, нам кранты.

Предположение

Упала люстра с потолка,
Сто лет покрыта сажею.
Да, жизнь не только коротка,
Она ещё загажена.

Под этой люстрой компрадор
С утра сидел с ухмылками,
Турецкий кушал помидор.

Серебряными вилками.

Но люстра грохнула туза,
Нахальная и злобная.
Он с этой жизнью завязал,
И началась загробная.

Действительность полна проказ,
Мы станем чьей-то пищею...
Сливают бесы в унитаз
Богатого и нищего.

Путь гений ты или балбес,
Пусть добрый или бешенный,
Реальность – это тёмный лес,
А не «Феррари» бежевый.

В краях, где лобные места,
Томаты слишком вкусные...
Возможно, люстра не проста,
А интеллект искусственный.

Перед началом зимы

Что ты глядишь, человек,
С волнением в окно, что в трюмо.
Завтра же выпадет снег
И прикроет собачье дерьмо.

Ты не ругай свою жизнь,
Водки стаканчик налей или три .
Что-нибудь спой, на диванчик ложись.
А потом весь процесс повтори.

Всё замечательно, знай,
Даже холодной и хмурой зимой.
Вспомни цветущий и солнечный май,
Движенья букашек на травах гурьбой.

Да отойди ж от окна!
Не пугай своим взором народ.
Не виновата страна,
Что лицо твоё, словно раздавленный торт.

Не виновна она, говорю,
Что ты радужным стал от тоски.
Утром плюёшь на зарю
И не стираешь годами носки.

Прочь от окна отойди!
Включи телевизор, джентльмен!
Снег и мороз впереди
И, как всегда, повышение цен.

У истоков легенды

Матрёну полюбил Игнатий,
В двадцатом веке был момент.
Мужчина этот скромный, кстати,
Фрагментами интеллигент.

Грозился показать ей силу,
Он обещал: «Мой час придёт!».
И без трусов она ходила
По горнице четвёртый год.

Он ей подмигивал задорно,
Плевал игриво в потолок.
Она краснела помидорно
И тихо плакала в платок.

К ним часто гости приходили
Три тихих парня, из скопцов.
Они не только водку пили,
Но и рассол от огурцов.

Глотал «Виагру» он горстями,
Жевал её и там, и тут,
И хвастался перед гостями,
Твердил, что в сексе шибко крут.

...Однажды он сказал Матрёне,
Вступая с женщиной в родство:
«Готов к труду и обороне!».
Так появилось ГТО.

Ты тоже будь готовым сходу
К проблеме подойти с душой.
Должно ж прибавиться народу
В стране цветущей и большой.

Мечты у телеэкрана

Я увидел то, что ты
Не заметишь взглядом.

В поле слон помял цветы,
Присмотрись! Он рядом.

Поломал могучий ильм
Слон по летней рани.
Это славный кинофильм
На телеэкране.

Не такой уж я тупой,
Пусть лысый, но не рыжий.
Слон идёт на водопой.
Разве ж я не вижу?

Да куда ж ему идти?
Только строго к речке.
Под куст присядет по пути,
Перекушал гречки.

Жизнь слоновая – не мёд,
Среди неразберихи.
Он не пляшет, не поёт,
Пасмурный и тихий.

Но характер неплохой...
А пакостный немножко.
Временами он лихой.
Слон ведь, а не кошка.

Поломал комбайн в овсе,
Где пасутся кони.
Дело было в Туапсе
Или в Вашингтоне.

С глаз упала пелена...
Полон я отваги,
И куплю себе слона
В сельском зоомаге.

Ночью будет он и днём
Жить со мною дружно.
Буду бегать со слоном
Я по сельским лужам.

Я в мечтах живу всегда,
Ими я загружен.
Слон, понятно, ерунда...
Он мне тут не нужен.

На экране красота,

Яркий мир, свободный.
...Надо накормить кота,
Он всегда голодный.

Под опекой монстров

Жизнь порою наполнена смыслом,
Каждый день два ведра новостей.
Выйду я на крыльцо с коромыслом
И побью им незваных гостей.

Что столпились под окнами гордо?
Вы приходите в явь и во сне.
Почему криминальные морды
Постоянно являются мне?

Обитают не за горами,
А повсюду, в соседских домах.
В каждой рытвине, в каждой яме
И в зомбированных умах.

В рубашонках и в платьях из ситца,
Надоедливы и просты,
И сияют их наглые лица
Среди огненной суеты.

Здесь они в дожди и в метели,
Учат жизни на новый лад.
Мне и в прошлом они надоели,
А сегодня – в тысячу крат.

Всё они за меня решили,
Окружили покой мой и быт.
В них волна перемен паршивых,
А за ними – позор и стыд.

Надо мною смеются вороны...
Всякий миг, неделя и год
Коромысло – для обороны.
Перебьём сообща этот сброд.

* * *

Безграмотна, нахальна, как реклама,
Нелепа, что заметки дурачка,
По миру подлость шествует упрямо,
Что сотворили бесы с кондачка.

Но называет подлость благородством
Умело человеческая шваль,
И с пьедесталов жалкие уродцы
С улыбкой неземною смотрят вдаль.

Кого там ещё можно облапошить,
В руках лохматых тьма подзорных труб
Сегодня у ворья навар хороший,
Не падают ухмылки с пухлых губ.

Мы рукоплещем подлости цветущей,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.